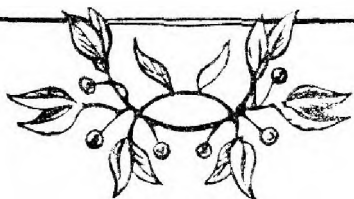

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

•
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a point, resembling a stylized arrow or a wing.

A decorative flourish consisting of a central scroll-like element with two symmetrical wings or flourishes extending outwards, positioned between two horizontal lines.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

Д. И. Писарев¹

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Первые успехи людей в практическом ознакомлении с силами и законами природы и в создании языка, как могучего и незаменимого орудия сближения между собою, были конечно медленны и вялы; но зато каждый последующий шаг совершался легче и быстрее предыдущего. Первые, полумифические предания, открывающие собою историю каждого народа, застают людей уже на очень высокой степени умственного развития и материального благосостояния. Язык уже создан совершенно и применяется уже к таким целям, которые не имеют ничего общего с грубыми потребностями животной жизни. На языке этом существуют уже песни, космогонические мифы и героические эпопеи...

*1863. Зарождение культуры. Соч., т. II, стр. 504.**

...Философия языка основывается на громадном сравнительном изучении отдельных языков <...> цель философии языка (или философского языкознания или филологии) заключается в том, чтобы представить ясное и верное понятие о *слове*, т. е. о способности человека выражать свои мысли и ощущения членораздельными звуками.

Преследуя такую цель, необходимо знать, как проявляется эта способность у различных народов, потому что без этого предварительного знания нельзя позволить себе никакого заключения или даже правдоподобного предположения об общих свойствах изучаемой способности. Языки у различных народов оказывались до такой степени несходными, что разные преждевременные теории о языке вообще разрушались в прах такими фактами, которые узнавались вновь. Оказывалось, например, что многие языки не различают существительного от глагола; оказывалось, что другие языки состоят не из слов, а из готовых предложений. Все это надо было принимать в расчет, потому что в самых не-

* Д. И. Писарев. Полное собрание в шести томах с дополнительным выпуском. Изд. Ф. Павленкова. СПб., 1894. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию.

лепых и неразвитых языках все-таки действует та же способность, которая только в более сильной степени проявилась в самых богатых и гибких языках человечества. Кроме сравнительного изучения языков необходимо изучение историческое. Надо же знать, как совершенствуется или ослабевает с течением времени рассматриваемая способность. Конечно, филологу нет необходимости говорить и писать на всех тех языках, которые служат ему материалами для сравнения. Но он должен иметь очень определенные понятия о системе звуков этих языков, о переходе звуков один в другой, об образовании слов из корней, о грамматическом строе, о синтаксических особенностях; кроме того он должен знать до некоторой степени лексический состав языков, т. е. запас наиболее замечательных слов, чтобы сближать эти слова с словами и корнями других языков.

Если ученый хочет ограничить свои исследования одним племенем языков, если таким образом из области философии языка он спускается в область сравнительной грамматики, то с уменьшением объема его трудов должна увеличиваться глубина его знаний <...>

Целая, долгая жизнь деятельного и умного человека наполняется этим изучением, и потом все-таки оказывается, что изучение это только что затронуто, и что еще десятки людей будут посвящать продолжению работы свои лучшие силы.²

1863. *Наша университетская наука. Соч., т. III, стр. 31—32.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

...Важнейшая задача здоровой и честной литературы заключается именно в том, чтобы всегда пускать в обращение такие фразы, которые в данную минуту могут действовать благотворно на ум и на волю бесцветных и несамостоятельных людей, составляющих большинство. При этом надо уметь во-время менять эти фразы, чтобы они не затаскивались и не покрывались плесенью. Это производство и передвигание общепользовных фраз составляет прямую обязанность беллетристики и часто литературной критики, то-есть тех отраслей словесности, которые всего ближе прикасаются к чувствам, интересам и условиям частной нравственности и будничной жизни.

Читатель не должен смущаться словом *фраза*. Каждая фраза появляется на свет, как формула или вывеска какой-нибудь идеи, имеющей более или менее серьезное значение; только впоследствии, под руками бесцветных личностей, фраза опошляется и превращается в грязную и вредную тряпку, под которой скрывается пустота или нелепость. Даровитые писатели чувствуют тотчас, что формула выдохлась и что пора выдвинуть на ее место новый пароль.

1865. *Роман кисейной девушки. Соч., стр. 251—252.*

Чем мельче становятся мысли и чувства, тем вычурнее и красивее подбираются для них названия, потому что навык с каждым днем усиливается в этом ремесле, как и во всех остальных.³

1864. Реалисты. Соч., т. IV, стр. 43.

Повторять слова учителя — не значит быть его продолжателем. Надо понимать ту цель, к которой шел учитель. Идя к известной цели, учитель произносил известные слова. В ту минуту, когда эти слова произносились, они действительно подвигали людей вперед к предложенной цели. Но когда эти слова уже подействовали, когда люди, подчиняясь их влиянию, сделали несколько шагов вперед, тогда все положение вопроса обрисовывается иначе, тогда произнесенные слова теряют свою двигательную силу и следовательно перестают быть уместными, полезными и целесообразными. Тогда надо произносить новые слова, применяя их к новым потребностям времени; эти новые слова могут находиться в резком разногласии с старыми словами и это разногласие несколько не мешает ни тем, ни другим быть одинаково верными выражениями одной и той же основной тенденции.⁴

1865. Пушкин и Белинский. Лирика Пушкина. Соч., т. V, стр. 66.

О ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НЕКОТОРЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

В былое время на первом плане стояла *форма*; читатели восхищались совершенством внешней техники и вследствие этого безусловно предпочитали стихи прозе <...> Теперь, напротив того, внимание читателей безраздельно направляется на *содержание*, то-есть на мысль.

От *формы* требуют только, чтобы она не мешала содержанию, то-есть, чтобы тяжелые и запутанные обороты речи не затрудняли собой развитие мысли. По нашим теперешним понятиям красота языка заключается единственно в его ясности и выразительности, то-есть исключительно в тех качествах, которые ускоряют и облегчают переход мысли из головы писателя в голову читателя <...> Язык сделался тем, чем он должен быть, именно средством для передачи мысли. Форма подчинилась содержанию, и с этого времени укладывание мысли в размеренные и рифмованные строчки стало казаться всем здравомыслящим людям ребяческой забавой и напрасной тратой времени.

1864. Реалисты. Соч., т. IV, стр. 115—116.

Особенно хороши в этой части записок <«Петербург при Петре III. Из записок А. Т. Болотова».⁵ — *Ред.*> разговоры Болотова с разными сослуживцами и начальственными лицами: они написаны таким живым, естественным, чисто разговорным

языком, в них так метко схвачены личности людей, окружавших Болотова, в них местами так много неподдельного комизма, что почти трудно поверить, что они написаны в прошлом столетии, когда на нашей письменности еще лежала тяжелая печать ретирики.

1859. Рецензия на «Петербург при Петре III. Из записок А. Т. Болотова». Соч., т. I, стр. 56.

Изложение <в рецензируемых «Записках...» — *Ред.*> очень неудовлетворительно: риторические фигуры и избитые сравнения встречаются на каждом шагу; попадают даже в очень серьезном рассуждении выражения «храм Гименея», «крылатый божок» и тому подобные вычурности. Язык тяжел, а местами даже совершенно неправилен.

1859. Рецензия на «Записки доброй матери или последние ее наставления при выходе дочери в свет». Соч., т. I, стр. 4.

Автор <М. Вовчок⁶. — *Ред.*> часто ведет свой рассказ от имени кого-нибудь из действующих лиц, иногда говорит от себя, но всегда умеет придать своему изложению наивность и прелесть народной речи, которую мы встречаем в языке наших старинных сказок и преданий; местами даже проявляется без малейшей искусственности та мерная звучная речь, которая составляет неотъемлемую принадлежность эпического языка народной поэзии. М. Вовчок приближается к народной поэзии не только внешнею формою своих рассказов, но и всеми своими литературными приемами; он рассказывает, как простой очевидец, близкий к изображаемому лицам по понятиям и образованию, разделяющий их простодушные верования и предрассудки, сочувствующий их горю и радости...

1859. Рецензия на «Народные украинские рассказы» Марка Вовчка. Соч., т. I, стр. 72.

У нас еще до сих пор не перевелись писатели, которые характеризуют русского мужика тем, что он почесывает затылок, говорит эфот вместо этого и коверкает иностранные слова. Гуманность этих писателей вообще, и Голицынского в особенности, заключается по большей части в том, что они, считая слово *мужик* грубым и обидным, представляют его в смягченном виде *мужичок*. Совершенно одобряя такого рода гуманное смягчение, я позволю себе заметить, что в таком случае было бы очень хорошо и удобно, а главное дело — гуманно говорить: *казачок* вместо *казак*, *солдатик* вместо *солдат*, *бабочка* вместо *баба*, смягчая таким образом постоянно слова, обозначающие собою низшие ступени сословий.

В рассказе «Прислуга» вся соль заключается в том, что лакеи, кучера, кухарки и горничные на чем свет стоит ругают своих господ, рассказывают о их любовных похождениях и отпускают друг другу площадные любезности и такие же остроты...

Были и до сих пор есть писатели, принимающие тривиальность за народность; употребляя слова: *треснуть, лопнуть, тальянский, галантерейность, поштовать, скуснее...* Голицынский убежден в том, что, во-первых, он уловил букет народности и что, во-вторых, он создал сцену, исполненную неподдельного комизма и самого живого юмора. Писатели с посредственным талантом и с ограниченным даром наблюдательности не умеют воссоздавать народное мирозерцание и часто вовсе не подозревают его существования. Они подмечают только внешние угловатости и резкости, и потому их сцены из народной жизни, при бедности и бесцветности внутреннего содержания, отличаются аффектацией и подделкой народного разговорного языка. Иным это правится... выходы фарсеров в водевилях, дающихся для съезда и разезда публики, возбуждают в райке громкий хохот и рукоплескания. Эстетические понятия и требования различных людей отличаются бесконечным разнообразием; почему же и Голицынскому не прослыть в известном кругу читателей юмористом и знатоком русской народности? Наше дело — показать, что в его книге можно встретить, чтобы предостеречь более разборчивую публику от разочарования.

1861. *Несоразмерные претензии.*⁷ Соч., т. I, стр. 230—231.

О ЯЗЫКЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ РАБОТ

Для меня статья Юркевича⁸ написана на неизвестном языке и притом на таком языке, которому я не хочу учиться, потому что очень хорошо знаю, что этот язык, сухой и бесплодный, ничем не вознаградит меня за те усилия, которые я употребляю на его усвоение. Если Юркевич не умеет говорить ясно и просто о простых и ясных предметах, если надо пройти целый предварительный курс кабастики для того, чтобы слышать его учение о природе, о человеке, о духе и разуме, то я полагаю, что большинство людей предпочтут остаться профанами. Вокруг нас кипит живая жизнь; что ни шаг, то предмет для размышления, и притом такой предмет, который непременно надо обсудить, чтобы иметь возможность идти дальше; тут сама жизнь задает вопросы и шевелит мысль; успевай только обдумывать и решать; успевай только пробиваться и разрушать действительные препятствия; а тут нам предлагают углубиться в самих себя, заняться диалектическими выкладками, воскресить покойный гегелизм и зарыться по уши в какую-нибудь отвлеченную систему, которая не успела даже выработать себе ясного языка.

1862. *Московские мыслители*, гл. VII. Соч., т. II, стр. 195.

Ничто не может быть бесцветнее и неопределеннее общих выражений: *обскурант, прогрессист, либерал, консерватор, славяно-фил, западник*; эти выражения несколько не характеризуют того

человека, к которому они прикладываются; они надевают непрошенный мундир на его умственную личность и, вместо живого человека, мыслящего и чувствующего по-своему, показывают нам неподвижную вывеску замкнутого круга убеждений. Чем даровитее и замечательнее рассматриваемая личность, тем пошлее кажутся мне общие эпитеты, прилагаемые к ней такими критиками, которые не хотят или не умеют вдуматься в ее личные особенности, проследить ее индивидуальное развитие и таким образом вместо голого термина дать оживленную характеристику.

1862. *Русский Дон-Кихот*, гл. I. Соч., т. II, стр. 215.

Популярное изложение должно тщательно избегать всякой отвлеченности. Каждое общее положение должно быть подтверждено осязательными фактами и пояснено частными примерами... популярное изложение должно смягчать быстроту и отвлеченность строго-научного языка...

Не только группировка мыслей и общий тон изложения, но даже самый язык, выбор слов и оборотов имеют очень значительное влияние на успех или неуспех популярно-научного сочинения. Удачное выражение, меткий эпитет, картинное сравнение чрезвычайно много прибавляют к тому удовольствию, которое доставляется читателю самым содержанием книги или статьи. А так как просвещать читателя помимо его собственной воли нет ни малейшей возможности, то и не следует ни под каким видом пренебрегать теми техническими средствами языка, которые могут увеличить удовольствие читателя, не вредя основной идее вашего труда.

1864. *Реалисты*. Соч., т. IV, стр. 142—143.

На языке всех образованных народов существуют такие слова, которые каждый здравомыслящий человек должен употреблять всегда с крайней осмотрительностью. А еще гораздо лучше было бы совсем не употреблять их; но к сожалению это почти невозможно. *Ум, чувство, инстинкт, талант, гений, темперамент, характер* и разные другие выражения, относящиеся к психической жизни животных организмов, — все это очень опасные и неудобные слова. Они заслоняют собою живые факты, и никто не знает наверное, что именно под ними скрывается, хотя каждый ежеминутно произносит эти слова и при этом всегда старается этими непонятными словами что-то такое выразить и что-то такое объяснить. Вопрос об умственных способностях всех животных, стоящих ниже человека, совершенно затемнен разными непонятными словами, которые приносят особенно много вреда, потому что все к ним прислушались и привыкли, и все воображают, будто в этих знакомых словах заключается очень определенный смысл.

1864. *Прогресс в мире животных и растений*. Соч., т. III, стр. 415.

ОБ ИЗУЧЕНИИ РОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Как же ученику не интересоваться сведениями, которые сообщают ему о его родном языке, о его отечественной истории, о его литературе? Нужно только, чтобы эти сведения имели в его глазах живой смысл, чтобы они в наглядной форме представлялись его уму. Преподавание, по нашему мнению, должно сообразоваться с национальностью ученика. Знание отечественного языка, истории и словесности должно занимать одно из самых важных мест в запасе сведений, выносимых им из школы.

Пора космополитизма прошла с XVIII столетием; идея гуманности, скрепляя союз между всеми людьми, решительно не исключает патриотизма, который конечно, не должен доходить до слепого увлечения всем, что *наше*, и до бессмысленного гонения того, что *чужое*; все мы должны работать для человечества, но всего естественнее работать теми средствами, которые находятся у нас под руками, и в той сфере, в которую мы поставлены; описывая сцены из русской жизни, трудясь над мелким вопросом русской науки, русский писатель и ученый конечно работают для человечества, хотя результаты их трудов будут чувствительны в одной его части.

1859. Рецензия на статью Д. М. «Частные женские пансионы». Соч., т. I, стр. 102, 103.

На чистоту русского языка воспитанниц, на полноту изучения отечественной литературы конечно могут иметь вредное влияние национальность содержателей и учителей и преобладание иностранного языка в пансионе, — обстоятельство, которым так часто дорожат родители. Изучение иностранных языков и литератур важно и необходимо для всестороннего развития; но разве нельзя согласить одно с другим? Разве это помешает занятиям по отечественному языку, чтению русских писателей? Между тем в каком предмете всего слабее и поверхностней знания наших девиц? в русском языке, в русской словесности.

Там же, стр. 103.

Главная же цель всех этих чтений и исторических толкований будет, конечно, заключаться в том, чтобы овладеть вполне всеми богатствами русского языка. Знание нашего языка для нас безусловно необходимо; мы до сих пор очень скверно пишем и совсем не умеем говорить...

Гимназистам надо непременно много читать и много писать по-русски. — Вместо того, чтобы читать какие-нибудь пустяки и описывать «восход солнца» или «морскую бурю», им конечно

всего лучше читать и комментировать письменно такие памятки, которые своей величественной исторической физиономией могут совершенно успокоить и умиротворить пылкие сердца самых ревностных патриотов.

1865. Школа и жизнь. Соч., т. IV, стр. 555.

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЖИВЫХ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

...всякое изучение иностранных языков развивает ум, сообщая ему гибкость и способность проникать в чужое мирозерцание <...>

...Для образованного русского можно признать совершенно достаточным, если он кроме своего родного языка будет знать языки французский, немецкий и английский.

1863. Наша университетская наука. Соч., т. III, стр. 91—92.

О РАБОТЕ НАД ПЕРЕВОДОМ

<При машинальной работе над переводом, когда переводчик не понимает сути переводимого>... человек не развивается, а, напротив, привыкает обращаться с чужими мыслями, как с закупоренными тюками, которые он перетаскивает с места на место и расставляет в симметрическом порядке, не заботясь о том, что в них наложено. Является искусство строить фразы, привычка вставлять в эти фразы научные термины, способность запоминать и передавать непонятные идеи, — является попугайство и обезьянство; ко всему этому присоединяется гордое самодовольство, что вот, мол, я сколько книжных понятий усвоил, вот сколько научных статей произвел, вот какую пользу великую принес. Когда явилось такое самодовольство, тогда человека следует признать совершенно погибшим; тогда критическая способность утрачена, а вместо способности мыслить приобретена способность нанизывать слова и предложения, соединять их в периоды и из периодов составлять статьи, диссертации или книги.

1863. Наша университетская наука. Соч., т. III, стр. 30.

1. Вопросы языка, его происхождения и истории, вопросы формы художественного произведения занимают большое место в статьях Д. И. Писарева. Он подчеркивает, что язык служит «средством для передачи мысли». В своих статьях он говорит о необходимости писать просто и ясно, не затемняя свою мысль витиеватыми выражениями, пышными фразами, запутанными оборотами речи. «Красота языка, — пишет он, — заключается единственно в его ясности и выразительности, то есть исключительно в тех качествах, которые ускоряют и облегчают переход мысли из головы писателя в голову читателя («Реалисты»).

Большую силу писателя он видит в его умении проникнуть в «дух выводящего народа», «слиться с народом», «опереться на народ», говорить «устаами народа» («Мысли по поводу сочинений М. Вовчка»). С другой стороны, Писарев резко осуждает писателей, которые «характеризуют русского мужика, что он... говорит эфот вместо этого и коверкает иностранные слова», писателей, принимающих «тривияльность за народность» и «букет народности» видящих в исковерканных русских словах.

Писарев не раз говорил о необходимости овладения «всеми богатствами русского языка», для чего нужно тщательно изучать его с детства в «гимназиях и пансионах».

2. Основная цель языкознания, по мнению Писарева, «заключается в том, чтобы «представить ясное и верное понятие о слове, т. е. о способности человека выражать свои мысли и ощущения членораздельными звуками». Он считает необходимым глубокое проникновение ученым в начальный период создания языка, «сравнительное и историческое» изучение языков не только развитых, но и «самых нелепых и неразвитых».

3. Писарев осуждает в этой статье историков и филологов, изучающих «каждый факт отдельно», вне связи друг с другом и не пытающихся сделать обобщений.

4. Писарев придает огромное значение силе слова. Особенно он ценит писателей, сказавших новое слово, способное «двигать людей взгляд». Однако он недооценивает в этом отношении роли А. С. Пушкина, о котором он говорит, что «Пушкин — просто великий стилист и что усовершенствование русского стиха составляет его единственную заслугу перед лицом русского общества и русской литературы».

5. А. Т. Болотов (1738—1833) — ученый, писатель, мемуарист, один из основоположников русской агрономической науки. Широкую популярность приобрели его автобиографические записи «Жизнь и приключения А. Болотова, описанные самим им для своих потомков».

6. Марко Вовчок — псевдоним писательницы М. А. Маркович (1834—1907). Писарев считает главным достоинством ее рассказов умение «придать... изложению наивность и прелесть народной речи».

7. Статья «Несоразмерные претензии» является рецензией на псевдо-народные рассказы А. Голицынского «Уличные типы».

8. Здесь Писарев имеет в виду выписку из сочинения «киевского мыслителя» Юркевича «Из науки о человеческом духе», перепечатанную в критическом отделе апрельской книжки журнала «Русский вестник» за 1861 г. из «Трудов киевской духовной академии». Сочинение это было направлено против статьи Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии».